

УДК 316.6:347.61:311(571.52)

DOI 10.31483/r-105827

Гневашева В. А.

СОЦИАЛЬНАЯ АВТОНОМИЯ В ТУВИНСКОМ ЭТНОСЕ (ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЙ ПОДХОД СОЦИАЛЬНОЙ ОЦЕНКИ МАЛЫХ СООБЩЕСТВ)

Аннотация: в работе на тувинском материале рассматривается проблема одиночества. Цель исследования – выявление общественных аспектов социальной автономии. В исследовании ставятся задачи детерминации общественных предпосылок социальной автономии в контексте роли семьи как малой социальной группы и ее социальной функции в формировании социальной включенности индивида с последующим становлением собственных социальных взаимосвязей, семейных ориентиров и семейных конструктов. Ставится научно-исследовательская задача определить специфику, степень и характер выраженности социальной автономии в контексте тувинского этноса как примера национального сообщества, обладающего собственной социальной историей, специфическими традиционными ценностями, особенными национальными культами семьи, детей, спецификой понимания социальных ролей членов семьи. В результате полученных данных, были проведены статистические оценки зависимости основных переменных, которые способствуют одиночеству либо наоборот – снижают его риски. При изучении корреляционных оценок причин одиночества в выборе респондентов и их ответов на вопрос о ближайшем круге общения видно, что при отсутствии собственной семьи респонденты часто видят причины одиночества в отсутствии любимого дела либо в самом человеке, тогда как наличие семьи формирует для респондентов сферу занятости и побуждает их быть максимально вовлеченными в вопросы семьи и детей, тем самым нивелируя все возможные причины ощущения одиночества. Исследование позволяет сделать вывод о значимости собственной семьи и детей в тувинском этносе. Присутствие родового, культурного, исторического

понимания семьи, детей в жизни респондентов отражает общественную направленность и социальную центрированность на присутствие именно данного социального поля как определяющего для большинства респондентов.

Ключевые слова: тувинский этнос, социальная автономия, социальное одиночество, семья, социальные сети.

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках научно-исследовательского проекта №22–28–01980 «Социальное одиночество: моделирование новых семейных конструктов».

Vera A. Gnevasheva

SOCIAL AUTONOMY IN THE TUVAN ETHNIC GROUP (EXPERIMENTAL APPROACH OF SOCIAL ASSESSMENT OF SMALL COMMUNITIES)

Abstract: *in the work on the Tuvan material, the problem of loneliness is considered. The purpose of the study is to identify the social aspects of social autonomy. The study sets the task of determining the social prerequisites for social autonomy in the context of the role of the family as a small social group and its social function in the formation of the social inclusion of the individual with the subsequent formation of their own social relationships, family guidelines and family constructs. The research task is to determine the specifics, degree and nature of the manifestation of social autonomy in the context of the Tuvan ethnos as an example of a national community that has its own social history, specific traditional values, special national cults of the family, children, specific understanding of the social roles of family members. As a result of the data obtained, statistical estimates were made of the dependence of the main variables that contribute to loneliness or vice versa – reduce its risks. When studying the correlation estimates of the causes of loneliness in the choice of respondents and their answers to the question about the closest social circle, it can be seen that in the absence of their own family, respondents often see the causes of loneliness in the absence of a favorite thing or in the person himself, while the presence of a family forms for the respondents the sphere of employment and encourages them to be as involved*

as possible in the issues of family and children, thereby leveling all possible causes of feeling of loneliness. The study allows us to draw a conclusion about the importance of one's own family and children in the Tuvan ethnic group. The presence of a generic, cultural, historical understanding of the family, children in the lives of the respondents reflects the social orientation and social focus on the presence of this particular social field as defining for the majority of the respondents.

Keywords: *Tuvan ethnos, social autonomy, social loneliness, family, social networks.*

Введение

Социальное одиночество (социальная автономия) определяется в исследовании как степень и характер включенности индивида в общественные взаимосвязи разного социального уровня.

Проблемы построения социальных сетей и определения социальной автономии сводятся к характеристике особенностей межличностных социальных взаимодействий и в первую очередь в семье, как малой социальной группе. Изменение сущности такого социального явления, как социальная автономия, ведет к трансформации сетевых взаимодействий субъектов, в том числе и в рамках малой социальной группы, к трансформации понимания семьи как социальной группы и ее значения в социальном становлении индивида, к изменению конструкта семейных и межличностных отношений.

В соответствии с целью в исследовании на примере отдельного сообщества решаются задачи эмпирической оценки понятий социального одиночества и социальной автономии, структурно определяется социальная автономия на примере этноса, характеризуется степень и характер социальной включенности, а также детерминируются социальные уровни максимального включения, делаются выводы о значимости семьи в конструкте социального формирования индивида и развития социальных взаимосвязей. Цель исследования – выявить национальные особенности социальной автономии в тувинском сообществе.

Материал и методы исследования

Исследование основано на накопленном теоретическом опыте в части определения понятия социальной включенности, социальной автономии, социального конструирования.

Многие исследователи сходятся в утверждении, что одиночество как социально-философский феномен в самом общем приближении связано с переживанием человека степени его вовлеченности в сообщество людей, семью, социальную реальность, макросоциальные пространства [Alwin, Converse, Martin, 1988; Putnam, 2000, с. 58; Klinenberg, 2012, с. 36]. В связи с этим возникает необходимость понять, оценить, описать и проанализировать степень вовлеченности, нарушение которой приведет к поведенческому отклонению, вызванному повышенным чувством социальной автономии, к побуждению внутренне, а в исключительных случаях и внешне вступать в социальный диссонанс с социальным окружением в том числе и на базовом социальном уровне – на уровне семьи, пытаясь трансформировать традиционный конструкт семьи в адаптивные формы.

Введенный в 1950 гг. американскими социологами термин «одинокая толпа» стал признаком и нашего времени [Riesman, Glazer, Denney, Sennett, 2020]. Социальное одиночество отражает социальное противление индивида, развитие индивидуального конфликта с социальной традицией, трансформацию социального позиционирования «я», изменение социальных полей и собственной включенности в них, трансформацию собственно социальной идентификации и как следствие построение собственных, новых социальных конструктов, начиная с базовых социальных уровней: уровня семьи и ближайшего социального окружения.

Исследования показывают, что социальное одиночество отличается от социальной изоляции и отражает субъективное восприятие индивидом недостатков в его или ее сети социальных отношений¹. Эти недостатки могут быть количественными (например, отсутствие достаточного количества друзей) или качественными (например, отсутствие близости с другими).

¹ Cacioppo J. T., William P. Loneliness: Human nature and the need for social connection. New York : W. W. Norton & company. 2008. 264 p.

⁴ <https://phsreda.com>

Согласно отдельным исследованиям [Hughes, Walter, 1981], существует общее ядро социальных переживаний, представляющих социальное одиночество. То есть важно определить, что общего в социальных трансформациях, которые формируют общую конструкцию социальной автономии.

Альтернативная точка зрения, заключается в том, что существуют два или более качественно различных типа одиночества [Keming, 2019, с. 64]. Согласно этой точке зрения, конструкция одиночества исключительно субъективна, и субъективные переживания одиночества у разных людей будут совершенно разными.

В исследовании предполагается перейти на уровень социальных взаимосвязей, определив степень включенности индивида в социальные поля, актуальность трансформации социальной роли семьи и предпосылки изменения традиционной модели семьи в силу возможной утраты устойчивых социальных связей с данным социальным институтом формирования социальной причастности и социальной включенности индивида.

Эмпирической базой выступают результаты исследования тувинского этноса ($N = 154$, выборка случайная, генеральная совокупность 332,5 тыс. человек, уровень репрезентативности при доверительном интервале 0,95–384 человека, метод исследования – электронное анкетирование на платформе Yandex form). Исследование проведено при поддержке национальной общины «Тувинское землячество в Казани», а также Центра семьи и демографии Академии наук Республики Татарстан.

Основные методы, использованные в исследовании, – эконометрические и методы социологического анализа, метод детерминационного анализа, факторный анализ, методы регрессионного моделирования: построение парных и множественных линейных регрессий нормального и логнормального распределения на основе панельных данных с оценкой описательной статистики. Использование комплекса методов должно позволить системно выявить и описать эконометрические взаимосвязи между переменными, выявить зависимые и независимые переменные, детерминировать характер и степень их взаимодействия.

Научно-исследовательской новизной определяется применение методологии построения социальных сетей на примере отдельного этноса и выявление особенностей формирования социальной автономии.

Результаты исследования и их анализ

По оценкам исследователей, семья и семейно-родственные отношения являются крайне важной ценностью тувинского сообщества. Однако демографические изменения последних лет, связанные с ухудшением основных демографических показателей, а именно: снижение показателей рождаемости, увеличение показателей смертности, уменьшение количества регистрируемых браков и рост количества разводов, определяют необходимость эмпирической оценки института семьи, выявления влияния существующих внешних изменений, изменений социальных полей на формирование и структуру семьи (табл. 1, диаграмма 1).

Таблица 1

Показатели естественного движения в Республике Тыва (2003–2020)

Table 1

Indicators of natural movement in the Republic of Tyva (2003–2020)

Показатели естественного движения населения	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Число родившихся, человек	8262	8478	8266	8111	7921	7492	7372	7009	6537	6046	6654
Число умерших, человек	3566	3403	3471	3399	3419	3252	3116	2782	2856	2704	3084
Естественный прирост, убыль (-) населения, человек	4696	5075	4795	4712	4502	4240	4256	4227	3681	3342	3570
Общий коэффициент рождаемости, на 1000 человек населения	26,8	27,5	26,7	26,1	25,3	23,8	23,2	21,9	20,2	18,6	20,2
Общий коэффициент смертности, на 1000 человек населения	11,6	11,0	11,2	10,9	10,9	10,3	9,8	8,7	8,8	8,3	9,4

Общий коэффициент естественного прироста, убыли (-), на 1000 человек населения	15,2	16,5	15,5	15,2	14,4	13,5	13,4	13,2	11,4	10,3	10,8
Суммарный коэффициент рождаемости	3,03	3,25	3,35	3,42	3,49	3,39	3,35	3,19	2,97	2,72	2,97

Тенденции естественного движения населения также хорошо видны на диаграмме 1: с 2000 по 2020 гг. число родившихся и умерших в республике сохраняется на неизменном уровне.

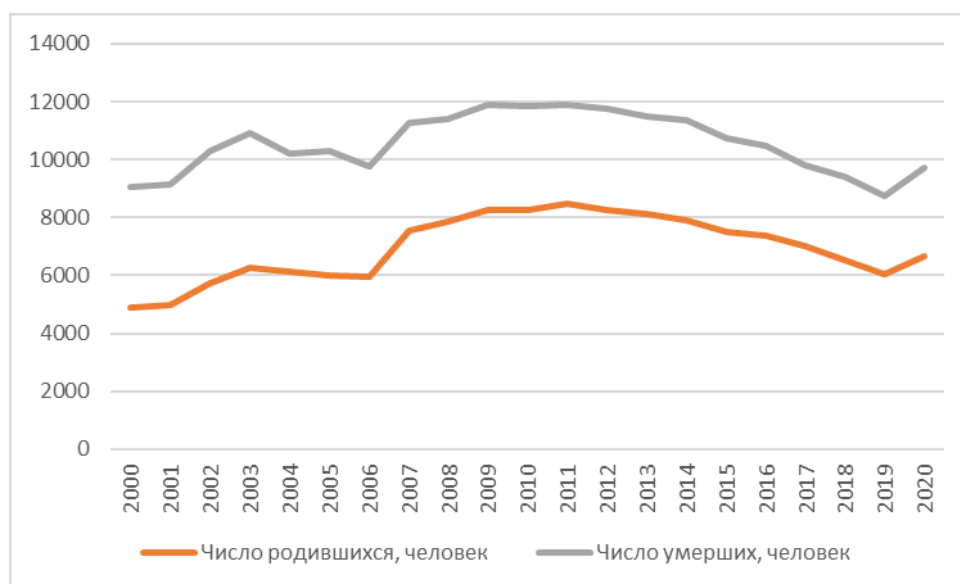

Диаграмма 1. Показатели естественного движения в Республике Тыва (2003–2020)²

Diagram 1. Indicators of natural movement in the Republic of Tyva (2003–2020)

Как отмечается в ряде исследований на современном этапе развития общества «в семьях этноса тыва выделяются те же проблемы, что и в большинстве других регионов России. Среди них противоречие между потребностями и ре-

² Диаграмма основана на данных Управление федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва, см.: <https://krasstat.gks.ru/folder/45814>.

альными доходами членов семьи; необходимость улучшения своего материального положения; возможность (точнее, невозможность) дать детям хорошее образование; усложнение моральных проблем семьи, связанных с совмещением женщиной профессиональных интересов и ролей жены и матери; высокий уровень разводов, растущее число неполных семей, матерей-одиночек; распространение алкоголизма и, наконец, проблема выбора системы ценностей, на которой должна базироваться семья, особенно в условиях социально-экономической нестабильности» [Товуу, 2001, с. 8].

Исследователь З. Ю. Доржу отмечает, что современная тувинская семья сталкивается с кризисами, в частности, он выделяет проблему матерей-одиночек, пишет о непрочности современных браков, отмечает отчасти утрату культурных и нравственных семейных традиций [Доржу, 2008].

По данным социолога В. С. Кана в период 2007–2009 гг. доля детей, родившихся у матерей, которые не состояли в зарегистрированном браке, составляла 61 процент, а значит в тот период была значима проблема увеличения матерей-одиночек, а также количества незарегистрированных браков. Сегодня, спустя 10–15 лет дети того поколения будут формировать собственное понимание семьи, будут строить собственные модели семей, и, конечно, период их социального взросления, социальное окружение скажется и на моделировании собственных брачных отношений, что на самом деле не является детерминированным трендом, и может быть обращено как за, так и против современного им социального конструкта семьи и брака.

Психолог Н. О. Товуу пишет: «Среди тувинцев стали появляться неполные семьи, чего прежде не могло быть в принципе. В отсутствие мужа женщина стала одна заниматься воспитанием детей... Изменились и роли в семье, а бразды правления в свои руки взяли женщины»³. Одной из причин автор называет социальную глобализацию, инициированную и усиленную в том числе и средствами массовой информации.

³ Товуу Н. О. Жить в семье – это наука // Новые исследования Тувы. URL : <http://www.tuva.asia/news/tuva/4172-semya-nauka.html> (дата обращения : 05.09.2021).

⁸ <https://phsreda.com>

Другой исследователь, Б. А. Мышлявцев, отмечает внутреннюю трансформацию тувинской семьи, в особенности городской, свидетельствует об изменении поведенческих ролей супругов и границ их обязанностей, при этом он подчеркивает разрушение системы традиционных семейных ролей, утрату четких представлений о роли и статусе мужа и жены. На смену традиционным гендерным ролевым представлениям приходят личностные различия и особенности [Мышлявцев, 2002].

Исходя из представленных позиций, исследование ставит своей задачей описание феномена социального одиночества в тувинском обществе на основе проведенного опроса, выявление особенностей понимания данного феномена в рамках рассматриваемой национальной группы и определение сетевой модели представленного сообщества.

Результаты исследования позволяют получить ряд оценок комплексного характера для более полного понимания сетевого социального взаимодействия в тувинском этносе. Отвечая на вопрос о своем ближайшем окружении (вопрос предполагал множественный выбор), респонденты наиболее популярными позициями определили: я, мой муж / моя жена и дети (40%); я и мои друзья (43%) (диаграмма 2).

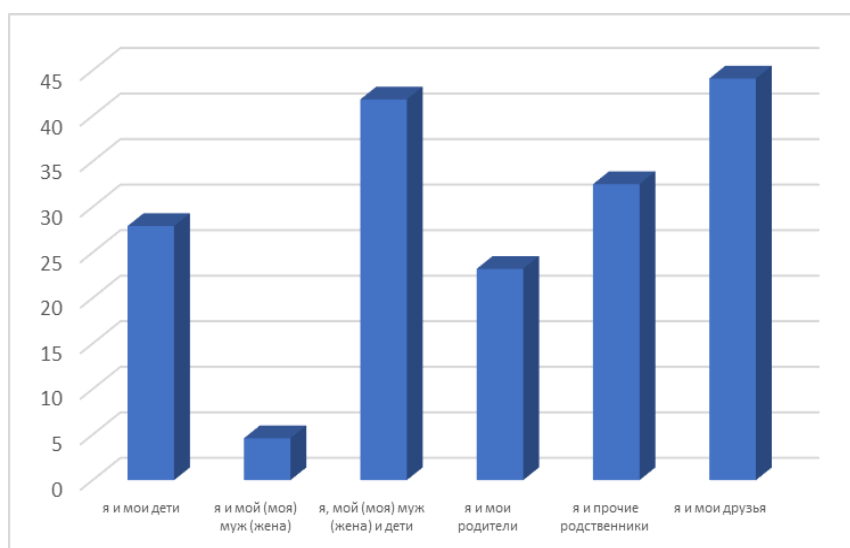

Диаграмма 2. Ваше ближайшее окружение (в %)

Diagram 2. Your immediate environment (in %)

Корреляционные оценки выбора ближайшего окружения (табл. 2) отражают высокую степень корреляции между позициями «я и мои родители» и «я и мои друзья» и наименьшую степень корреляции позиций «я, мой муж / моя жена и дети» и «я и мои дети». Тем самым подчеркивается, что при отсутствии собственной семьи респонденты активно взаимодействуют прежде всего с родителями, но наравне с ними и со своими друзьями, расширяя социальное поле активных коммуникаций. Между тем при наличии семьи опрашиваемые, как правило, стремятся к рождению детей, определяя свою семью как неразрывную связь родителей (себя и своего мужа / жены) и своих детей.

Таблица 2

Корреляционные оценки респондентами их ближайшего окружения

Table 2

Correlation estimates by respondents of their immediate environment

Варианты ответов	я и мои дети	я и мой муж / моя жена	я, мой муж / моя жена и дети	я и мои родители	я и прочие родственники	я и мои друзья
я и мои дети	1					
я и мой муж / моя жена	- 0,1374 1	1				
я, мой муж / моя жена и дети	- 0,4228 3	-0,18741	1			
я и мои родители	- 0,0970 4	0,139818	-0,02076	1		
я и прочие родственники	0,1209 38	0,082209	-0,18716	0,2049	1	
я и мои друзья	- 0,0315 6	0,248229	0,004415	0,50784	0,281216	1

При рассмотрении ответов на вопрос «Чувствуют ли респонденты себя одиноко?» при выборе позиции «нет, никогда» в регрессионной взаимосвязи с ответами на вопрос о ближайшем окружении (табл. 3) важно иметь в виду, что наличие у респондентов собственной семьи, включающей жену / мужа и детей, многократно снижает ощущение одиночества ими в своей повседневной жизни. При

этом подчеркнем, что для рассматриваемого этноса понятие, наличие и присутствие семьи как единства родителей и детей является крайне важным в целях обеспечения их социальной устойчивости и социального благополучия.

Таблица 3

Регрессионные оценки выбора позиции «нет, никогда» при ответе на вопрос «Чувствуете ли Вы себя одиноким?» и позиций выбора при ответе на вопрос «Ваш ближайших круг общения»

Table 3

Regression estimates of the choice of the position «no, never» when answering the question «Do you feel lonely?» and the choice positions when answering the question «Your closest social circle»

Описательная статистика	Y (Чувствуете ли Вы себя одиноким? – Нет, никогда)
R^2	0,21
R_{adj}	0,11
$F_{знач}$	0,093
Ваш ближайший круг общения:	
X_1 (я и мой муж / моя жена)	0,220 (0,350)
X_2 (я и мой муж / моя жена и дети)	0,402** (0,149)
X_3 (я и мои родители)	0,278 (0,195)
X_4 (я и прочие родственники)	0,110 (1,610)
X_5 (я и мои друзья)	0,205 (0,174)

В таблице 3 представлены статистические оценки значимости выбираемых позиций респондентов. Переменными X_1 - X_5 представлены соответствующие ответы выбора, отмеченные в скобках при каждой переменной. Переменная Y является определяемой. В корреляционных оценках мы пытаемся оценить, насколько ощущение одиночества зависит от ближайшего окружения респондента. Переменная Y задается одним из ответов на вопрос «Чувствуете ли Вы себя одиноким?» при выборе позиции: «Нет, никогда». Показатели R^2 , R_{adj} , $F_{знач}$ позволяют определить степень значимости рассчитанной корреляционной зависимости. В частности, мы можем сказать, что позиция «Чувствуете ли Вы себя

одиноким? при ответе «Нет, никогда» в 20 процентах случаев определяется ближайшим окружением респондентов, т. е. теми позициями, которые представлены переменными X_1 - X_5 . Для каждой переменной рассчитан коэффициент зависимости соответствующей позиции ближайшего окружения, в скобках при каждом коэффициенте представлены показатели стандартной ошибки для каждого коэффициента, что позволяет оценить степень их значимости. Отдельно символом (**) отмечается наиболее значимый коэффициент, при уровне значимости 95 процентов, что в частности позволяет утверждать, что респонденты, проживающие в полной семье, представленной мужем / женой и детьми, в гораздо меньшей степени ощущают одиночество, нежели респонденты, имеющие иное близкое окружение, и подобная зависимость будет выполняться в 95 процентах случаев.

Изучение корреляционных оценок причин одиночества в выборе респондентов и их ответов на вопрос о ближайшем круге общения свидетельствует, что в отсутствии собственной семьи респонденты часто видят причины одиночества в отсутствии любимого дела либо в самом человеке, тогда как наличие семьи формирует для респондентов сферу занятости и побуждает их быть максимально вовлеченными в вопросы семьи и детей, тем самым нивелируя все возможные причины ощущения одиночества (табл. 4).

Таблица 4

Корреляционные оценки причин одиночества, по мнению респондентов, и выбора позиций при ответе на вопрос «Ваш ближайших круг общения»

Table 4

Correlation estimates of the causes of loneliness, according to respondents, and the choice of positions when answering the question «Your closest circle of communication»

Варианты ответов	я и мой / моя муж / жена	я, мой / моя муж / жена и дети	я и мои родители	я и прочие родственники	я и мои друзья
нечем заняться	-0,12949	-0,06533	-0,19658	-0,06613	0,01497 6
нет друзей	-0,10559	-0,1634	0,019739	0,05042	0,17631 1

нет любимого дела	0,157824	-0,20481	0,258045	0,008511	0,34801 7
причина в самом человеке	0,17002	-0,02948	0,19599	0,22684	0,39428 8
нет семьи	-0,09739	0,1366	0,055483	-0,17195	0,11504 9

Определяя социальную автономию тувинского сообщества на примере построения сетевой диаграммы, можно выделить ряд социальных полей разного уровня по степени представленности в обществе, подчеркнув при этом определенную межуровневую и внутри уровневую структуризацию. Наибольшим социальным доминированием присутствия в сообществе обладает социальное поле «я, мои муж / жена и дети», внутри которого можно отметить также включенные значимые социальные поля: я и мои родители, я и прочие родственники.

Второе по распространенности социальное поле «я и мои дети» имеет наибольшую внутреннюю атомизацию, дифференцируется по присутствию и значимости родственников, мужа / жены в жизни респондентов. Социальное поле «я и мои родители» включает внутри активное взаимодействие с прочими родственниками и друзьями. Менее значимое по популярности распространения, но также сегментированное по характеру направленности внутренней социальной активности взаимодействия выступает социальное поле «я и мой / моя муж / жена» с включением тесного общения как с прочими родственниками, так и с собственными родителями. Присутствуют в сообществе и отдельные, централизованные социальные поля с выраженной значимостью иных социальных групп как групп ближайшего окружения респондентов, в частности, друзей или прочих родственников, находящихся в постоянном социальном взаимодействии с респондентами.

Выводы

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о значимости собственной семьи и детей в тувинском этносе. Присутствие культурного, исторического понимания семьи, детей в жизни респондентов отражает общественную

направленность и социальную центрированность на присутствие именно данного социального поля как определяющего для большинства респондентов. Однако исследование показало также и достаточно большие группы тех, кто на момент проведения исследования находился в непосредственном социальном взаимодействии с собственными родителями и друзьями. Процент присутствия данной условно агрегированной нетипичной для рассматриваемого национального этноса группы не мал (около 40%), вместе с тем именно данная группа выступает группой социального риска по критерию устойчивости социального самочувствия и социального благополучия. Управленческие решения социальной акцентуации значимости семьи и детей в сохранении, становлении и социальном развитии членов тувинского сообщества могут исключительно способствовать сохранению традиционных культурных ценностей семьи, детей, а вместе с тем сохранения и культурной устойчивости национального сообщества.

Список литературы

1. Доржу З. Ю. Женщины Тувы: от прошлого к будущему. Кызыл : Издательство Тувинского государственного университета, 2008. 184 с.
2. Мышлявцев Б. А. Современная Тува – нормативная культура (конец XX – начало XXI вв.) : диссертация... кандидата исторических наук : 07.00.07. Новосибирск, 2002. 207 с. EDN QDUVXB
3. Товуу Н. О. Психологические характеристики семьи этноса тыва. Москва : Государственный университет управления, 2001. 210 с.
4. Alwin, D. F., Converse, P. C., Martin, S. M. Living arrangements and social integration // Journal of marriage and the family. 1988. №2. P. 319–334.
5. Hughes, M., Walter G. Living alone, social integration, and mental health // American journal of sociology. 1981. №1. P. 48–74.
6. Yang, K. Loneliness: a social problem (routledge advances in sociology). London : Routledge, 2019. 240 p. DOI 10.4324/9781315148410
7. Klinenberg, E. Going solo: the extraordinary rise and surprising appeal of living alone. New York : Penguin Books. 2012. 290 p.

8. Putnam, R. Bowling alone: the collapse and revival of American community. New York : Simon & Shuster. 2000. 541 p.

9. Riesman, D., Glazer, N., Denney, R., Sennett, R. The lonely crowd: a study of the changing American character. New Haven ; London : Yale University Press. 2020. 376 p.

References

1. Dorzhu Z. YU. (2008). ZHenshchiny Tuvy: ot proshlogo k budushchemu. Izdatel'stvo Tuvinskogo gosudarstvennogo universiteta.

2. Myshlyavcev B. A. (2002). Sovremennaya Tuva – normativnaya kul'tura (konec HKH – nachalo HKHI vv.) : dissertatsiya... kandidata istoricheskikh nauk : 07.00.07. EDN QDUVXB

3. Tovuu N. O. (2001). Psihologicheskie harakteristiki sem'i etnosa tyva. Gosudarstvennyj universitet upravleniya.

4. Alwin, D. F., Converse, P. C., & Martin, S. M. (1988). Living arrangements and social integration. Journal of marriage and the family, 2, 319–334.

5. Hughes, M., & Walter G. (1981). Living alone, social integration, and mental health. American journal of sociology, 1, 48–74.

6. Yang, K. (2019). Loneliness: a social problem (routledge advances in sociology). Routledge. <https://doi.org/10.4324/9781315148410>

7. Klinenberg, E. (2012). Going solo: the extraordinary rise and surprising appeal of living alone. Penguin Books.

8. Putnam, R. (2000). Bowling alone: the collapse and revival of American community. Simon & Shuster.

9. Riesman, D., Glazer, N., Denney, R., & Sennett, R. (2020). The lonely crowd: a study of the changing American character. Yale University Press.

Гневашева Вера Анатольевна – д-р экон. наук, руководитель отдела Институт демографических исследований – обособленное подразделение Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), г. Москва, Российская Федерация.

Vera A. Gnevasheva – Dr. Sci. (Econ.), Head of Department of Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russian Federation.
